

ЛИТЕРАТУРА XIX в.

Русская литература

2018.03.020. Т.М. МИЛЛИОНЩИКОВА. ИСТОКИ ТВОРЧЕСТВА ДОСТОЕВСКОГО. (Обзор).

Ключевые слова: Библия; Достоевский; реминисценции; цитирование; аллюзии; Софокл; «Эдип-царь»; жанр детектива; квазидетективная интрига; Провидение; судьба; рок; «Мысли» Б. Паскаля; Б. Паскаль; И.Г. Фихте; влияние; цитата; контекст; аллюзия; парафраз; христианство; философия; тождество Бога и человека; блаженство; радость.

В обзоре представлены работы отечественных и зарубежных ученых, исследующих проблему генезиса творчества Ф.М. Достоевского XIX в. В центре внимания – влияние на мировоззрение и творчество русского писателя библейских и святоотеческих источников (монография С. Сальвестрони), древнегреческого трагика Софокла (статья), французского философа и математика Блеза Паскаля и немецкого философа И.Г. Фихте.

Тамара Джерманович (Университет Помпеу Фабра, Барселона) в монографии «Достоевский между Россией и Западом» (2) обращает внимание на использование в произведениях Достоевского языческих образов.

Собственный жизненный опыт и память о матери порождает у Достоевского почитание «Матери-Земли», как и у его героя Алеши Карамазова, которому воспоминания о Матери «освещали жизнь». Мистический культ земли лежит в основе концепции «почвенничества» писателя. Идеи Достоевского, связанные с культом земли, предвосхищают Образ Софии Мудрой, Alma Mundi, вечной женственности Богородицы и самой любви «эротикомистической и благочестивой», духовной и телесной, символическими ипостасями которой выступают и Мать Божия, и Мать-Земля.

В русской мифологии есть еще два природных элемента, которые имеют первостепенное значение духовного начала мира: вода и огонь. Вода, в таком изобилии присутствующая в России, определяет цикл жизни и смерти; с водой связано христианское представление о возрождении, но в воде обитают и мифологиче-

ские персонажи – русалки. В романе Достоевского «Бесы» этот образ возникает в сцене губернского праздника.

Вода, очищающая и возрождающая, соседствует у Достоевского с другим символическим образом славянской филологии – огнем. Т. Джерманович подчеркивает, что пристрастие русских к огню коренится в их апокалиптической идее: возрождение невозможно без уничтожения всего старого. Огонь разрушает, но он же дает жизнь и согревает.

С точки зрения Достоевского, по мнению исследовательницы, пристрастие к огню свидетельствует о присущей русскому человеку склонности к нигилизму, к разрушению. Земные страсти сменяются глубокой апатией: именно поэтому мистическое изображение русских породило образ легендарного Ильи Муромца, тридцать лет пребывавшего без движения, а потом превратившегося в великого национального героя-защитника.

Достоевский неоднократно использовал в своих произведениях образ былинного богатыря в качестве архетипа русского национального характера. Черты одного из главных героев древнерусского былинного эпоса присущи некоторым персонажам романов Достоевского, причем иногда в ироническом контексте. В «Бесах» Степан Трофимович Верховенский двадцать лет готовится к своей речи; подпольный человек, Раскольников, Кириллов, Иван Карамазов – все они мечтают о воплощении своей великой идеи, но оказываются неспособными к реальному действию, подавленные инерцией, они пребывают в бездействии и лишь иногда отваживаются совершить значительный поступок.

В «Дневнике писателя» Достоевский подытожил свои рассуждения об Илье Муромце, герое-символе русской жизни: «И имею, чтя и любя такого богатыря, – народу ли нашему не верить и в торжество приниженных теперь народов и братьев наших на Востоке?» (2, с. 26).

В романах русского писателя, как и вообще в русской литературе, символически соединяются языческое и христианское начало в том смысле, какой заключен в финале «Фауста» Гёте: «Нас возвышает вечная женственность», заключает исследовательница.

С. Сальвестрони в монографии «Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского» (Италия) отмечает, что романы русского писателя богаты текстами в тексте, цитатами, аллю-

зиями, реминисценциями, отсылающими к произведениям русской и зарубежной литературы, однако без привлечения библейского текста невозможно понять и оценить творчество писателя во всей его сложности и оригинальности. В романы «Преступление и наказание», «Бесы», «Братья Карамазовы» введены длинные отрывки из Евангелия (5). К ним относятся: эпизод с воскрешением Лазаря (Ин. 11: 1–44), эпизод с бесноватым из Гадаринской страны (Лк. 8: 32–36), Послание Лаодикийской церкви (Апок. 3: 14–17), фрагмент из эпизода свадьбы в Кане Галилейской (Ин. 2: 1–11), а также огромное количество прямых и косвенных цитат из Священного Писания. Число этих отсылок нарастает к последнему роману Достоевского «Братья Карамазовы» настолько, что почти каждая страница содержит евангельские цитаты. Исследовательница стремится выявить прямые и косвенные цитаты из Священного Писания, использованные Достоевским, и проанализировать их роль в художественной ткани его романов.

В традиции средневекового славянского православного мира Священное Писание и творения Отцов Церкви – важнейшие семантические ссылки, высокие образцы письменной традиции и священные источники религиозного вдохновения.

Верность Достоевского Библии, с которой он не расставался со времени сибирской ссылки, была вызвана, как считает С. Сальвестрони, двумя причинами. Прежде всего – это глубокое чтение на протяжении четырех лет, проведенных на каторге, Нового Завета, единственной имевшейся у него книги, в которой писатель начал открывать всю глубину ответов на волнующие его вопросы. Позднее, по возвращении в Петербург, важный шаг в познании и интерпретации Священного Писания Достоевский совершил с помощью творений Отцов Церкви.

В процессе работы над романом «Преступление и наказание», ядром, вокруг которого автор развивает сюжет, явилось «православное воззрение». Главенствующую сюжетообразующую роль в художественной ткани романа стала глава, повествующая о том, как Раскольников слушает отрывок о воскрешении Лазаря, оказавшийся ключом для интерпретации событий с точки зрения Сони, возлагающей все свои надежды на спасительную силу евангельского текста.

В романе «Идиот» (1868), содержащем многочисленные цитаты и отсылки к Апокалипсису, начальная идея – представить «вполне прекрасного человека». Стихи последней книги Нового Завета остаются на втором плане; в них герои романа находят подтверждение той несправедливой и разрушающей реальности петербургского мира, в которую они погружены. Важнейшая отсылка к Евангелию введена автором не через прямое цитирование, а через «текст в тексте». Копия картины «Христос в гробу» Ганса Гольбейна-младшего в доме Рогожина, изображающая мертвого Христа, потрясает Мышкина и Ипполита.

В «Бесах» (1871) евангельский текст о бесноватом из Гадаринской страны предпослан роману в качестве эпиграфа. Повторенный в финале, он служит ключом к пониманию общественно-политической ситуации пореформенной России. Послание Лаодикийской Церкви, которое упоминает в романе старец Тихон, помогает Ставрогину осознать свой внутренний конфликт.

Наконец, в «Братьях Карамазовых» (1880) эпиграф о зерне, взятый из Евангелия от Иоанна (Ин 12: 24), вводит в романную структуру тему, которая лейтмотивом проходит через все «итоговое» произведение Достоевского.

Современные методы анализа предполагают двойной подход к рассмотрению проблемы текста в тексте. Библейский фрагмент, введенный в литературный текст, входит в творческий процесс писателя как часть художественной ткани создаваемого произведения. Внутри художественного текста – *textum* в этимологическом значении этого термина – библейский отрывок, введенный в другой текст, вбирает в себя скрытые до того значения благодаря переплетению разных элементов произведения.

Итальянская исследовательница подчеркивает, что библейская цитата отличается от других текстов в тексте. Несомненно, в любой культуре, даже самой светской и материалистической, Библия была и остается текстом, с которым невозможно избежать сравнения, хотя бы в полемическом смысле. Раскольников, Ставрогин, Степан Трофимович, Ипполит, Алеша просят почитать или слушают чтение евангельского текста в те критические моменты, когда им необходимо выяснить что-то самое важное в своем существовании и когда они не могут этого сделать самостоятельно.

Для каждого из них цитата из Евангелия – уже знакомый текст, наполненный понятным им смыслом, однако каждый герой слышит отрывок так, как будто он адресован именно и только ему. Это – потенциальный ответ, принятый Алешей и умирающим Степаном Трофимовичем, ответ, который хочет получить Ипполит, но не способен его понять, и ответ, отрицаемый отчаявшимся Ставрогиным. Здесь важно подчеркнуть, что евангельский отрывок подан через того, кто читает его. По разным причинам этот персонаж обладает сильным влиянием на слушателей и именно поэтому ориентирует смысл евангельского отрывка, используя при этом различные средства вплоть до изменения тона и эмоциональной окраски подачи.

С. Сальвестрони подчеркивает, что для некоторых персонажей и читателей Достоевского встреча с библейским текстом производит эмоциональный «взрыв», поскольку в контексте России второй половины XIX в. Св. Писание часто имело периферийное место по сравнению с культурной системой того времени и с его правилами. Несмотря на то что Достоевский получил православное воспитание в глубоко верующей семье, он открывает для себя ценность Евангелия не в петербургском мире своей юности, где в интеллектуальных кругах обсуждались в основном философские произведения и политические памфлеты, а среди ссыльных и отчаявшихся каторжан.

Задаваясь вопросом, какие библейские тексты использовал Достоевский в своем творчестве, исследовательница в качестве ответа приводит письмо писателя от 27 августа 1849 г. из Петропавловской крепости. Достоевский просит у брата передать ему оба Завета «во французском переводе» и, если возможно, текст на славянском языке, выражая скорее культурно-филологический интерес, чем глубоко духовную потребность. В 1850 г. на пересыльном дворе в Тобольске жены декабристов подарили ему Евангелие на русском языке¹. Этот полученный в дар том станет единственной книгой, с которой Достоевский никогда не расставался. Выбор этого русского издания, потертого от частого использования, объясняет присутствие цитат почти полностью на русском, а не на церковнославянском языке (исключая цитаты из уст Зосимы в «Братях

¹ Евангелие Господа нашего Иисуса Христа Новый Завет. – СПб., 1823.

Карамазовых»), и редкие отсылки к Ветхому Завету, не столь часто читаемому Достоевским в годы сибирской каторги.

Библейские отрывки, введенные в романы Достоевского как тексты в тексте, такие как воскрешение Лазаря, эпизод с бесноватым из Гадаринской страны и его исцеление, стих из двенадцатой главы Евангелия от Иоанна, в котором содержится обличение зла, а также указание на духовное возрождение – связаны общей тематической линией. Во всех центральным является момент перехода от смерти – для героев Достоевского от тоски, чувства вины, неспособности найти смысл существования – к жизни во всей ее полноте, радости, гармонии с самими собой и миром.

Доктор филол. наук К.А. Баршт (ИРЛИ РАН) в статье «Мысли Паскаля в художественном мире Достоевского» прослеживает влияние идей Блеза Паскаля (1623–1662) на творчество русского писателя, акцентируя известные аллюзивные связи и устанавливая новые (1). Исследователем обнаружены скрытые цитаты из книги Паскаля в романах «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы».

С конца XVIII – XIX в. книга Паскаля «Мысли» оказывала мощное влияние на русскую культуру и литературный процесс, в том числе и на творчество Достоевского. Период его перехода из государственного служащего в профессионального писателя хронологически совпал с появлением в 1843 г. первого текстуально адекватного перевода «Мыслей» на русский язык, выполненного И.Г. Бутовским.

Реминисценции и аллюзии Паскаля пронизывали не только собственно литературное творчество Достоевского, но были частью личного, экзистенциального самосознания писателя.

В.В. Дудкин в статье «Софокл и Достоевский: Сходное в несходном (“Эдип-царь”, “Эдип в Колоне” Софокла и “Преступление и наказание”»)» исследует событийную структуру пьес древнегреческого драматурга в сравнении с сюжетом романа Достоевского (3). Отмечается значительная близость двух писателей в построении интриги, открывающей новые перспективы в постановке экзистенциальных вопросов и открывающей новые художественные возможности жанра детектива.

Автор полагает, что о прямом влиянии Софокла на Достоевского говорить не приходится. Трагедия «Эдип-царь» была создана

в 420 г. до н.э., когда Софоклу было 75 лет и через 15 лет, на 90-м году жизни, он вновь обращается к сюжету об Эдипе и завершает его в «Эдипе в Колоне». Вторая часть этой трагедии об Эдипе очевидно перекликается не только с романом Достоевского «Преступление и наказание» в целом, но и с его эпилогом, хотя и в достаточно приближенном варианте. Главное в сближении этих двух гениев объясняется тем, что Достоевский не мог, даже в меру своего знакомства с античной литературой, не проникнуться духом античной драмы, особенно трагедии.

Хотя Софокла и Достоевского разделяют почти две с половиной тысячи лет и принадлежность к разным цивилизациям и культурам, их сближает тема преступления, а именно убийства и расплаты за него, т.е. в самом общем плане – тема «преступления и наказания». Таким образом, анализируя скрытое влияние Софокла на Достоевского, следует «выявить несходное в сходном».

Софокл – «не только гениальный трагик, он еще и творец трагедии», новатор жанра. Достоевский «не только гениальный романист, он еще и новатор романа», создатель «романа-трагедии» (Вяч. Иванов). Дистанция между ними сжимается до возможного – историко-культурного – минимума.

Возвращаясь к двум формулам «сходного в несходном» и «несходного в сходном», автор статьи подчеркивает, что между этими полюсами и располагается пространство, подведомственное сравнительно-историческому литературоведению. Но при ближайшем рассмотрении это не две формулы, а одна двуединая формула, потому что сходное присутствует в каждой из них.

В человеческом мире и в литературе в частности тавтологические повторы просто невозможны. Это, скорее всего, квазиповторы, но в этом качестве их насчитается великое множество. Они привносят в литературу свою ритмическую интонацию и на свой манер подтверждают ее континуум, ее единство. А эти ее качества проявляются в вечном, «магистральном сюжете» всех литератур мира, уже ставших историей. И неважно, формулировал ли художник этот «магистральный сюжет» или нет, он неизменно остается его «сверхзадачей». Достоевский облек эту «сверхзадачу» в чеканную и лаконичную форму: «Человек есть тайна». Все художники призваны ее разгадывать, но никому не дано ее разгадать. И в этом смысле Софокл и Достоевский – вечные современники.

Доктор филос. наук И.И. Евлампиев (Санкт-Петербург) в статье «Достоевский и Фихте» отмечает, что после каторги писатель в качестве основы своего мировоззрения принял христианство, но не ортодоксальное, а философское, выраженное в поздних произведениях И.Г. Фихте (4). Отрицая идею греха и считая главным принципом подлинного христианства тождество человека и Бога, Достоевский вслед за немецким философом утверждает, что задача человека – раскрыть в себе Бога и осознать совершенство мира. Эту систему идей раскрывает Кириллов; близок к ней старец Зосима, утверждающий, что «жизнь есть рай».

По мнению исследователя, самым главным философом для Достоевского является И.Г. Фихте. Имеется в виду поздняя религиозно-философская система Фихте, которая ничего общего не имеет с его ранним субъективным идеализмом. Для истории русской философии «Наставление к блаженной жизни» вместе с еще одним (более ранним) циклом лекций «Основные черты современной эпохи» (1805) представляет первостепенный интерес. Ведь именно они, составившие религиозно-философскую дилогию, оказали колоссальное влияние на участников известнейших философских кружков середины XIX в. Именно из них выросла вся последующая русская философия; их влияние испытали абсолютно все русские мыслители второй половины века. Прежде всего – кружок Николая Станкевича, в котором значительная роль принадлежит М. Бакунину и В. Белинскому.

Исторические и биографические детали позволяют говорить о том, что Достоевский, несомненно, знал философию Фихте. Кульминационным выражением религиозного смысла идеи радости («блаженства») в романе «Братья Карамазовы» (а значит, и во всем творчестве Достоевского) является образ Иисуса Христа в главе «Кана Галилейская», образ из видения, представшего перед Алешей Карамазовым над гробом старца Зосимы. Здесь Христос, как высший религиозный символ, оказывается носителем абсолютной радости, причем эта «функция» противопоставляется в размышлениях Алеши его голгофской роли Искупителя и Спасителя.

Слушая, как отец Паисий читает над телом старца Зосимы главу из Евангелия от Иоанна о чуде в Кане Галилейской, Алеша задумывается над тем, почему первое чудо, совершенное Иисусом, было столь обыденно, почему оно было направлено на самые про-

стые и естественные радости людей. При этом, по мнению исследователя, очень важно иметь в виду, что Алеша явно сближает здесь Зосиму и Дмитрия как выразителей идеи радости. Слушая далее в евангельской истории, что Христос не был уверен в том, что ему нужно совершать чудо, чтобы брачный пир продолжился, но его мать попросила его об этом, Алеша приходит к пониманию того, что совершенное Христом чудо имеет совершенно другой внутренний смысл, чем его «великий страшный подвиг». Но итогом его размышлений становится видение, в котором этот «подвиг» вообще отходит на второй план, поскольку Христос становится главой брачного пира «на веки веков».

Список литературы

1. Баршт К.А. Мысли Паскаля в художественном мире Достоевского // Достоевский: Материалы и исследования. – СПб.: Нестор-История, 2016. – Т. 21. – С. 129–169.
2. Джерманович Т. Достоевский между Россией и Западом / Пер. с исп. Зориной-Карякиной И. – М.: Центр книги Рудомино, 2013. – 352 с.
3. Дудкин В.В. Софокл и Достоевский: Сходное в несходном («Эдип-Царь», «Эдип в Колоне» Софокла и «Преступление и наказание») // Достоевский: Материалы и исследования. – СПб.: Нестор-История, 2016. – Т. 21. – С. 3–16.
4. Евлампиев И.И. Достоевский и Фихте // Достоевский: Материалы и исследования. – СПб.: Нестор-История, 2016. – Т. 21. – С. 274–290.
5. Сальвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского / Пер. с итал. – М.: ББИ, 2015. – 258 с.

2018.03.021. Т.Н. КРАСАВЧЕНКО. ДОСТОЕВСКИЙ: НОВЫЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ ПЕРЕВОДЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ. (Обзор).

Ключевые слова: Достоевский; переводы «Преступления и наказания» в Великобритании и США; рисунки и каллиграфия в рукописях.

Как показывает практика культуры, каждому поколению требуется новый и улучшенный перевод зарубежной классики, при этом британским и американским читателям нужны разные, «свои» переводы.

В Англии вышел новый перевод романа Достоевского «Преступление и наказание», сделанный Николасом Пастернаком-Слейтером (3), племянником Б.Л. Пастернака и сыном его сестры